

ГЛАВА 1

Когда человек счастлив, он не знает об этом...

— Не поняла, — произнес звонкий девичий голос, — что ты сказал?

— Ты счастлива? — вместо ответа спросил юноша хриплым баритоном.

— Да нет, — откликнулась девушка.

— Почему? — продолжил ее собеседник.

— А чему радоваться? Не день рождения, не Новый год, подарков я не получала.

— Для тебя важно, когда что-то дарят? — уточнил юноша.

— Главное, когда событие какое-нибудь случается, — принялась объяснять его собеседница, — например, свадьба, ребенок родился, переезд в новую квартиру, или я в колледж поступила в Америке, получила там стипендию на обучение.

— Значит, в год ты будешь радоваться дважды, — хмыкнув, подытожил парень, — в днюху и тридцать первого декабря. Ну ладно, еще разок — когда студенткой станешь. А в остальное время? Вот сегодня, допустим, двадцать третьего августа.

— Нормальный день.

— То есть ничего приятного?

— Я этого не сказала, — рассердилась девушка. — Нормально, это когда ничего не происходит, ни хорошего, ни плохого. Юра, ты философствуешь на пустом месте.

8 — Вот об том я и говорил! — обрадовался ее собеседник. — Лена, ты сегодня весь день была счастлива, но не знала об этом.

Мне стало интересно, кто беседует на скамейке у стены дома, я встала с кресла, перегнулась через перила балкона, на котором дышала морским воздухом, и взглянула вниз. На лавочке сидели двое. Лиц их я не видела, только макушки. На девочке было то ли серое, то ли голубое платье, на юноше джинсы и футболка. Около паренька лежала небольшая сумка. На столике, придвинутом к скамейке, в свете фонаря ярко блестел красный прямоугольный пакет с черной надписью «ОПС!!!», явно наполненный то ли печеньем, то ли конфетами. Я отошла от перил и села в шезлонг.

— Заумно ты выражаешься... — протянула девочка.

Юра стал объяснять:

— Ну вот смотри, сейчас мы с тобой сидим на скамейке, не спим, как все, после отбоя. Кстати, я принес твои любимые чипсы... — послышался шорох пакета. Затем снова зазвучал баритон: — Луна светит, тепло, у тебя сарафан красивый... Разве это не счастье?

— Конечно, нет! — фыркнула Лена. — Платье не модное, старое, новое мне никто покупать не собирается, скамейка жесткая...

— Пройдет время, — продолжал Юра, — случится какая-нибудь беда, например, умрет кто-то из твоих близких, и ты подумаешь: «Был в моей жизни вечер, сидела я на скамейке после отбоя, чипсы ела, вот тогда я была счастлива, но не понимала этого».

— Идиот! — выкрикнул девичий голос.

Раздался шорох гравия.

— Лен, ты чего? — удивился Юра.

— Не хочу с дураком разговаривать, — донеслось издали. — Сам свои мерзотные чипсы жри! Ваше

не подходи ко мне ближе чем на километр. 9
Ты как Растиньяк, такие плохо заканчивают!

Стало тихо. Спустя минуту я почувствовала запах дыма.

— Юра, ты куришь? — тут же воскликнул внизу женский голос.

— Здравсти, Светлана Иосифовна, — откликнулся парень.

— Мы уже много раз нынче виделись.

— Полночь прошла, наступил новый день, сегодня мы еще не встречались.

Светлана Иосифовна засмеялась.

— Хитрец! На территории Дома здоровья нельзя курить.

— Я же не в интернате, а возле корпуса гостиницы.

— Сигарета убивает человека.

— А капля никотина отправляет на кладбище лошадь, — хихикнул юноша.

— Короче, хватит тут сидеть в одиночестве, простудишься, сыро стало, а ты, Завьялов, в одной футболке. Ступай в свою комнату! — велела дама.

— На мне еще джинсы и кроссовки, — продолжал веселиться Юра. Затем решил позанудничать: — Кстати, если людей двое, то это не значит, что они насморк не подцепят.

— Что-то я тебя не поняла, — явно растерялась собеседница.

— Вы сказали: «Хватит тут сидеть в одиночестве, простудишься, сыро стало». Из логики фразы следует: будь на скамейке несколько человек, я был бы гарантирован от болезни, — объяснил юноша. — Вообще-то мы тут находились вдвоем с Леной, но она почему-то разозлилась и убежала, даже свои любимые чипсы не открыла. Не понимаю я женщин! Ленка меня сама погулять пригласила, сказала: «По-

10 говорить надо об очень важном деле». И что?

Сначала завела разговор о книгах, все спрашивала: «Эту читал? Такую в руки брал? Вспомни повести французских авторов...» Меня прям затошнило, не люблю я романы. Но ничего обидного я Фокиной не говорил, наоборот, соглашался с ней, врал: «Да, да, знаю эти книги, очень интересные». И что? Лена рассвирепела. Спрашивается, зачем она меня звала?

Светлана Иосифовна засмеялась.

— Юра, ты, наверное, ей что-то очень философское завернул. Ты нравишься Фокиной. Она сама рискнула тебя на свидание пригласить и, скорее всего, говорила о книгах, где про любовь написано. Думала, ты поймешь, что она тебе на свои чувства намекает. А ты небось, как обычно, стал рассуждать о смысле жизни.

— Ничего подобного я не изрекал, — вздохнул Юра и пересказал свою беседу с Леной.

— Ты допустил бестактность, — объяснила Светлана Иосифовна, когда паренек замолчал, — не стоило говорить Фокиной: «Случится какая-нибудь беда, умрет кто-то из твоих близких».

— Человек понимает, что был счастлив, только в момент, когда с ним происходит несчастье, — обрадовался поводу поспорить Юрий. — Ленка сидела надутая, вот я ей и объяснил: пока настоящее горе не подкатило, ты в полном порядке, но не понимаешь этого. Осознание того, как был счастлив, приходит в момент беды. К примеру, человек стоит у гроба и думает: «Вот, оказывается, как горе выглядит! Почему я, дурак, раньше не радовался, когда этого не знал?»

Светлана Иосифовна протяжно вздохнула.

— У тебя родители живы?

— Ага.

— А бабушки, дедушки?

11

— Никогда их не видел. Отец из дома в пятнадцать лет сбежал, потому что ему запрещали в ресторане петь, он с предками не общается. И моя мать тоже.

— Значит, тебе не доводилось у могилы стоять?

— Ну, нет...

— Зачем тогда рассуждаешь на эту тему? Знаешь, когда заколачивают гроб, люди не философствуют, они просто плачут, — сказала воспитательница. — Ты пока не столкнулся лицом к лицу со смертью, а у Фокиной, увы, есть такой опыт. Ее мать умерла, отец вскоре снова женился. У мачехи была своя дочь, Лене места в новой семье не нашлось, девочку отправили к нам. Зря ты ей это сказал.

— Но я же не знал! — начал оправдываться Юра.

— Незнание закона не освобождает от ответственности. Ты в одиннадцатый класс пойдешь, пора научиться думать, перед тем как что-то сказать, — сурово заявила Светлана Иосифовна. — Безусловно, ты мальчик с нестандартным мышлением, но мне порой кажется, что ты чересчур гордишься своим умом и презираешь тех, кто смотрит сериалы и читает, как Лена, книги про любовь или детективы. Это гордыня, Юра, а она смертный грех. Можно мне угоститься чипсами? Очень их люблю.

— Конечно, угощайтесь, — разрешил Юра. И вдруг ляпнул: — Но тревоугодие тоже грех.

Светлана Иосифовна рассмеялась.

Я услышала хруст пакета, потом педагог спросила:

— А почему ты так поздно учиться пошел? Тебе уже восемнадцать, а ты еще школу не окончил.

— Отец по гастролям мотался, — объяснил Завьялов, — забыл, что ребенка в первый класс записывать надо. Гувернанткой у меня была англичанка, которая вообще ничего по поводу образования в Рос-

12 сии не знала. Я бы, наверное, попал за парту в возрасте, когда паспорт получать надо, но, на мое счастье, очередная любовница папаши оказалась училкой. Видно, я ее здорово доставал: хочется тетке с рок-звездой романтический ужин устроить, а тут, ё-моё, мальчишка по дому шастает. Вот она однажды и спросила у папахена: «А почему твой сын гимназию не посещает?» Кумир миллионов удивился: «Уже пора? Юрка, тебе сколько лет?»

Завьялов рассмеялся.

— А мама-то почему не беспокоилась? — поразились Светлана Иосифовна.

— Так она от отца удрала, когда мне еще года не исполнилось, — хмыкнул Юра, — ведь с рок-звездой жить — вообще офигеешь. Сейчас мамахен вроде где-то в Америке. Или в Англии, точно не знаю.

Стало тихо, потом учительница слишком весело воскликнула:

— Твоя ситуация, конечно, непростая. Но, подумай, кое-кто из детей остается сиротой, их определяют в обычный интернат. Ребята живут в комнатах на десять человек, не имеют хорошей одежды, не получают достойного образования, у них нет ясных жизненных перспектив. А вы в Доме здоровья в гостях у сказки.

— В когтях у сказки, — фыркнул Юра. — Светлана Иосифовна, хоть вы эту дурацкую фразу не повторяйте.

— Что не так? — удивилась педагог.

— Анна Семеновна, наша директриса, постоянно твердит: «В гостях у сказки», — протянул парень, — если кто из воспитанников жалуется, ноет, у нее один ответ: «В Доме здоровья вы просто в гостях у сказки. Совсем не каждому так везет. Не надо злиться на родителей, они обеспечивают вам настоящий рай». А мне постоянно хочется ей возразить:

«Мы в когтях у сказки, нам из этой сказки 13
некуда деться, не убежать из нее, не уехать,
не избавиться».

Снова повисла тишина. Затем раздался голос воспитательницы:

— Иди спать, уже поздно. Мы сидим у коттеджа, где живут люди, вероятно, мешаем им спать.

— Никто же не злится, — возразил Юра, — не орет из окна.

— Но это не значит, что мы не потревожили жильцов, — заметила Светлана Иосифовна, — просто здесь интеллигентные люди поселились. Они заплатили большие деньги за отдых и наверняка хотят покоя. Странно, что вы с Леной устроились тут. И, если честно, меня удивило, что ты общаешься с Фокиной. У нее совсем другие интересы, нежели у тебя. Вы, как мне кажется, не подходите друг другу.

— Да она меня сама пригласила, я уже говорил, — пояснил Завьялов. — Ленка мне совершенно не нравится, я на свидание пошел, потому что она тумана напустила: «Очень поговорить надо о крайне важной вещи». Я подумал, вдруг ей помощь моя понадобится? Что же касается интересов... Не совпадают, да и фиг с ними. Главное в паре — общность грехов. Я ворую в магазине, и она ворует в магазине — это свяжет крепче, чем совместное собирание марок.

— Юра, ты занимаешься кражами? — ахнула педагог. — Ты же из богатой семьи!

— Вы такая смешная... — протянул паренек. — Считаете, что обеспеченный человек не пойдет тырить с прилавков, потому что у него карман баблом набит? А девчонка с платиновой кредиткой никогда не станет проституткой? Светлана Иосифовна, богатство не панацея от дурного поведения, очень часто даже наоборот. У нас в интернате живет один кент, который спокойно весь приют скупить может,

14 а он на местном базаре шмотки прет. А потом их выбрасывает.

— Господи, зачем он это делает? — поразилась Светлана.

— А зачем ему дерьмовые вещи? — усмехнулся Юрий.

— По какой причине твой друг ворует, если у него есть деньги на покупки? — продолжала недоумевать его собеседница.

— Светлана Иосифовна, вы, как все люди, которым тугриков еле-еле хватает, полагаете, что, став богатой, решите любые проблемы с помощью кошелька, — произнес юноша. — Но это не так. Миллионное состояние не делает человека нравственным. Если он не вор, то, даже умирая с голоду, ничего не сопрет, а если ворюга, то и с полным кошельком тырить будет. Кстати, тот идиот вовсе мне не друг. А вещи он крадет ради драйва, адреналина ему не хватает.

— Немедленно назови его имя! — потребовала воспитательница.

— Может, я и зануда, может, и правда Фокину обидел, но уж точно не стукач, как некоторые, — раздалось в ответ. — И, кстати, насчет того, что я из богатой семьи. Мне отец бабло лопатой не отсыпает, я совсем небольшую сумму от него получаю раз в три месяца. Спокойной ночи.

— Чипсы возьми, — напомнила Светлана Иосифовна.

— Я их не люблю, — пробормотал Юрий, — картофель в любом виде ненавижу.

— И мне так казалось, — сказала педагог, — заведующая столовой постоянно жалуется, что ты пюре не ешь.

— Верно, — согласился паренек. — Этот овощ напоминает мне по вкусу жидкие витамины, которыми меня нянька в детстве поила.

— Зачем тогда чипсы картофельные купил? — удивилась его собеседница. 15

— Для Ленки принес, — пояснил Юра, — она от них тащится. Но Фокина обиделась и убежала. Ешьте, Светлана Иосифовна, раз вам нравится. Вы такие часто в баре у Романа покупаете, Ленка их там же всегда берет.

— Ох уж эти дети, — рассмеялась педагог, — не скроешь от них свои слабости. Грешна, люблю чипсы, готова жевать их целый день. И те, которыми торгует Роман, настоящие, а не спрессованная неизвестно из чего гадость.

— Вы с Фокиной в этом совпали, — протянул Юра, — Ленка тоже так говорит и чипсы постоянно лопает, обожает их. Угощайтесь, Светлана Иосифовна, на здоровье.

— Спасибо, — ответила та, — с удовольствием. Ты все же иди в корпус, давно пора спать.

— Давайте я вас до маршрутки провожу? — предложил Юрий. — А то поздно.

— Какой ты галантный, — засмеялась педагог. — Нет, не надо, да и последний микроавтобус давно ушел.

— Как же вы домой доберетесь? — удивился Завьялов.

— На велосипеде, — пояснила Светлана Иосифовна, — он у административного корпуса стоит. Работникам интерната не разрешают по территории гостиницы ездить, либо кати в объезд лишние два километра, либо оставь «коня» и шагай пешком. Я второе предпочитаю. Наша хозяйка Марина Ивановна добрый человек, но она терпеть не может, когда ее указания не выполняют. Ну все, иди, Юра. А я посижу тут в тишине, свежим воздухом подышу, чипсы поем. Мне спешить некуда, дома-то нет никого. Отдохну — и в путь.

16 — Спокойной ночи, Светлана Иосифовна, — попрощался парень.

— И тебе хороших снов, дружок, — откликнулась педагог.

Раздался звук шагов по гравию, потом шуршание пакета.

Я ушла с балкона, закрыла дверь, легла на широкую кровать под парчовым балдахином, схватила с тумбочки коробку швейцарских шоколадных конфет и взяла одну. Где я нахожусь? Что здесь делаю? Сейчас объясню.

ГЛАВА 2

Неделю назад мне позвонила Эвелина Самойлова и вкрадчиво спросила:

— Вилка, ты уже летала отдыхать?

— Пока нет, — ответила я. — Собиралась на море в сентябре, тогда там народу меньше и нет семей с чадами. Я нормально отношусь к детям, но некоторые из них отвратительно ведут себя — кричат, безобразничают, капризничают, могут даже запустить руку в твою тарелку. А их мамы только улыбаются и сюсюкают: «Ой, она такая маленькая! Правда, моя доченька очаровательна, когда плюется в вас хлебом? Хорошенькая такая! Ути-пути, кисонька!»

Эвелина рассмеялась.

— Смотри не скажи то же самое журналистам, ведь детьми положено восторгаться.

— Только в том случае, когда они хорошо воспитаны, — возразила я.

— Напиши для моего журнала книгу, — неожиданно попросила Самойлова.

— Спасибо за предложение, но у меня со временем беда, — отказалась я.

— Сначала выслушай мое предложение до конца, — попросила Эвелина. — Ты ведь знаешь, на кого рассчитано наше издание?

— На богатых и знаменитых, — ответила я, — роскошные журналы на бумаге наивысшего качества бесплатно распространяются по поселкам, расположенным на Рублево-Успенском, Новорижском и Ильинском шоссе.

— Отмечу, что не по всем, а лишь по самым пафосным, — уточнила Лина, — они лежат в спа в Жуковке, в элитных медцентрах, фитнес-клубах. Наша аудитория — жены, дети и любовницы олигархов, политиков и крупных чиновников. Так вот! Владимир Петрович Фафайкин, ты, конечно, его знаешь...

— Впервые о нем слышу, — возразила я.

— Вилка, как ты ухитрилась ни разу не встретиться с Володей? — ахнула Лина. — Хочешь сказать, что никогда не посещала его вечера в поместье «Вольдемар»?

— Не-а, — призналась я, — не люблю тусовки и не принадлежу к миру богатых людей.

— Господи, — запричитала Эвелина, — ты невыносима! Нельзя сидеть взаперти и бегать исключительно по маршруту дом — издательство. Эдак никогда не найдешь себе правильного мужа.

Я вздохнула.

Самойлова когда-то работала секретарем у Ивана Николаевича, хозяина издательства «Элефант». Тогда она была милой, улыбчивой девушкой, с которой я, Виола Тараканова и одновременно писательница Арина Виолова, быстро подружилась. Я знала, что Лина живет с родителями, мечтает о собственной маленькой квартире, о скромной малолитражке и копит деньги на летний отдых. Самойлова ничем не отличалась от девушек ее возраста, ну разве что была красивее многих. Но она

18 никогда не пользовалась своей внешностью для обретения финансового благополучия. Эвелина мечтала выйти замуж, старательно искала жениха, бегала по разным вечеринкам, однако о богатом муже не думала. Она влюбилась в скромного компьютерщика Петю, у которого часто не хватало денег на булочку с корицей, и позвала меня на свадьбу подружкой невесты. Хорошо помню скромное торжество, устроенное дома родителями Самойловой, крохотную пеналообразную комнатку, которую старшее поколение отдало молодым. Эвелина быстро забеременела, денег у них с Петей не было совсем, и я часто покупала их маленькому сыну вещи в подарок. А потом... Компьютерщик Петя подумал-подумал и основал социальную сеть «Друзья». Спустя некоторое время на семью полился золотой дождь. Сейчас у Лины трехэтажный дом, автопарк иномарок, огромные, забитые дорожными вещами гардеробные, а сама она является главным редактором журнала, который никогда не попадет в руки неимущего человека. Кроме меня, друзей из прежней жизни у Самойловой не осталось. А я стараюсь пореже заезжать к ней в гости — мне не очень уютно в ее доме площадью в два квадратных километра, заставленном вычурной мебелью. Да и разговор о последних коллекциях «Шанель» и «Диор» я поддержать не могу, потому что не являюсь клиенткой этих модных домов.

Будучи сама счастлива замужем, Эвелина изо всех сил старается пристроить госпожу Тараканову в хорошие руки, ругает меня за нежелание участвовать в вечеринках. Вот и сейчас она рассердилась.

— Хочешь умереть старой девой в окружении кошек? — вопрошала Самойлова. — Фафайкина она не знает... Да это ж все равно что про Пушкина ничего не слышать! Может, и Леню Горелова ты не знаешь?

— Ну, извини, — пробормотала я.

— У Лени была первая жена, — быстро затараторила Лина, — у той второй муж, у которого есть сын от третьего брака его четвертой супруги. Звать Сережей.

— Не женское имя, — робко заметила я.

— Чье? — не поняла Самойлова.

— Сережа, — повторила я, — ты сказала, так зовут четвертую супругу.

— Каким местом ты меня слушаешь? — возмутилась Эвелина. — Сережа — это пасынок Лени от Кати, та жена Андрюши, который раньше жил с Раей, а потом с Ниной, чья дочь родила Фафайкину внука от Кости. Сейчас Ленька снова холост. Он тебе очень подходит, я должна вас познакомить.

— А при чем тут твой журнал? — спросила я. — И этот... Таратайкин...

— Слушай молча! — потребовала Самойлова. — Речь идет о Фафайкине, про Таратайкина мне ничего не известно, а раз я мужика не знаю, то тебе его в мужа не рекомендую.

Минут через десять мне наконец-то стала понятна суть предложения подруги.

У хорошо известного всем, кроме меня, господина Фафайкина есть жена Марина. Чтобы супруга не пела постоянно кантату под названием «Дай денег», Владимир подарил ей бизнес. Он купил здоровенный кусок земли у теплого моря, построил там не очень большую гостиницу и интернат для детей, у которых есть проблемы со здоровьем. Марина твердой рукой стала управлять делом. К услугам постояльцев есть все, что душа пожелает: бассейн, спа, фитнес-зал, ресторан, бар, караоке, катание по горам на лошадях и квадроциклах, экскурсии по разным развалинам и так далее, всего не перечислить. А если чего-то в отеле нет, то постояльцу надо лишь сообщить ад-

20 министратору о своем желании, и то, чего не хватает, будет ему непременно предоставлено.

Стоит ли упоминать, что один день в сем раю стоит немереных денег?

Гостиница госпожи Лавровой (жена не захотела менять фамилию от первого мужа и стать Фафайкиной) процветала. Но в последний год у Марины начался отток клиентов. Владелица роскошного отеля забеспокоилась и решила использовать рекламу. Однако понимая, что банальное объявление типа: «Посетите нас — получите бонус» потенциальных отдыхающих от ее элитного заведения отпугнет, тут надо действовать тонко и ненавязчиво, Марина посоветовалась с Эвелиной. А у той родилась гениальная идея: нужно попросить популярную писательницу написать любовный роман, действие которого будет происходить именно в отеле Лавровой, Самойлова опубликует нетленку в нескольких номерах своего журнала. Народ будет читать его, увлечется и повалит туда, где происходят события. Дальше объяснять не надо.

Чтобы правильно описать интерьеры, обстановку в номерах, территорию, изысканность предлагаемой еды и прочее, писательница поселится на какое-то время в гостинице. Понятное дело, за свое пребывание, питание, посещение спа она не заплатит ни копейки, наоборот, еще получит гонорар за книгу. А если роман окажется интересным и клиенты полетят по нужному адресу, как мотыльки к фонарю, писательницу будут ждать дорогой гостьей раз в году бесплатно.

— Я сразу вспомнила о тебе, — тараторила Самойлова. — Разве плохо — ты отдохнешь, покайфуешь, а заодно набросаешь сотню страниц увлекательного чтива.

— Я автор детективов, — напомнила я, — любовные истории не мой жанр.

— Ерунда! — рассердилась Эвелина. — Какая разница? Пусть у тебя там кого-нибудь убьют, главное, в момент секса. Постельные сцены народ обожает. Побольше страсти, пожарче сцены, и все будет о'кей. Согласна? Это же классно — бесплатный отдых плюс заработок. Ты довольна, что я тебе такую работенку нарыла?

Я вздохнула, хотела возразить, но Лина не дала мне и слова вымолвить:

— Да что я спрашиваю, глупый вопрос, ты, конечно, согласна. Короче, улетаешь в среду на частном самолете. Я тебя обожаю! Ты лучше всех справишься с задачей. Бай-бай!

Сначала я рассердилась на слишком авторитарную Эвелину, которая все решила за меня. Но потом остыла и оценила привлекательность ее предложения по достоинству...

И вот позавчера меня доставили в райское место. Одного дня хватило, чтобы понять: так я еще никогда не отдыхала. Разные иностранные курорты, где горничные самозабвенно сооружают из полотенец лебедей, а в ресторанах радует глаз обильный шведский стол, померкли в сравнении с обслуживанием в отеле с простым названием «Море». Махровые полотенца здесь никто не превращал в скульптуры, и большого количества яств в ресторане не было. Но после первого завтрака ко мне неслышно приблизилась официантка и нежно пропела:

— Извините, госпожа Виолова, мы подали вам стандартный брекфест, а теперь готовы выполнить любой ваш заказ. Что желаете на обед?

— Можно меню? — попросила я.

— Его у нас нет, — улыбнулась женщина, — просто скажите, чего хотите. Любое блюдо. Его приготовят лично для вас.

22 Я подумала, что это маркетинговый ход и знание психологии клиентов, которые скорее всего просят что-то стандартное: морских гадов, телятину, курицу, — и решила поставить перед поваром невыполнимую задачу. Поэтому мечтательно произнесла:

— Один раз в Грузии меня угостили потрясающей ачмой и принесли в сковородке «Обед бедного мегрела». Ей-богу, не помню все составляющие блюда, но от души тогда позавидовала тому неимущему горцу, очень уж вкусно он ел.

— Будет исполнено, — пообещала официантка и ушла.

Я отправилась купаться, посмеявшись про себя и зная, что во время обеда увижу на столе куриную грудку с брокколи, сдобренную рассказом о том, что подвезти нужные продукты для выполнения моего заказа не успели. Но представьте мое изумление, когда официантка принесла ачму и круглую железную сковородку с тем самым пресловутым обедом бедняка-мегрела. Я без остатка слопала и то, и другое. Смею вас заверить: в Грузии оба блюда были приготовлены хуже.

Добавлю, что на полдник я объелась пончиками невероятной вкусноты. В общем, первый день у меня прошел замечательно.

Около восьми вечера в местном кафе, расположенном в парке, появилось несколько симпатичных, хорошо воспитанных подростков, которые, заказав чай с пирожными, тихо обсуждали свои дела. В девять часов бармен ударил в небольшой колокол и объявил:

— Через полчаса в Доме здоровья отбой.

Ребята безропотно поднялись и пошли к выходу. Один парень обернулся и попросил:

— Роман, запишите на мой счет. Это я всех угощал.

— Конечно, Алексей, — кивнул человек за стойкой. 23

Я доела кусок очень вкусного яблочного пирога и попросила счет. Бармен принес кожаную папочку.

— Вас Романом зовут? — уточнила я.

— Да, госпожа Виолова, — улыбнулся он.

— Мы знакомы? — удивилась я.

— Лично нет, но нас предупредили о прибытии любимой всеми писательницы. К тому же я не раз видел вас по телевизору, — пояснил бармен. — Может, еще что-то желаете? У меня сегодня на редкость удачный ванильный пудинг!

Не успела я сказать и слова, как с порога закричали:

— Рома! Упакуй живо фруктовые кексы в коробку, да смотри, чтобы не попались мятые!

Я повернула голову на звук и увидела девушку лет шестнадцати, раздетую, как дочь африканского вождя. На ней были красная мини-юбочка и усыпанная стразами короткая футболка, открывающая пупок, в котором торчала серьга с ярко-зеленым камнем, слишком большим, чтобы быть изумрудом. Обута красавица была в сандалии с ремешками, завязанными крест-накрест аж до круглых коленок. Серьги, золотые цепочки-браслеты, часы, сумочка с логотипом «Шанель» и разноцветные ногти на руках и ногах прилагались в комплекте.

— Простите, Надежда, через пять секунд я выполняю ваш заказ, — ответил Роман и снова спросил у меня:

— Так вы попробуете ванильный пудинг?

— Эй, ты что? — снова заорала девица. — Кексы мне немедленно! Ты назвал меня Надеждой, но для прислуги я госпожа Шилова. Смотри, пожалуйся папе на твое хамство, получишь коленом под зад!

У Романа произвольно дернулось веко.

24 — Займитесь девушкой, — посоветовала я, — я не тороплюсь.

Пока Роман аккуратно укладывал в коробку маффины, девица безостановочно командовала:

— Шевели лапами быстрее! Что ты как сонная муха двигаешься? Тьфу, прямо пнуть хочется!

Когда Роман начал завязывать картонку лентой, девчонка выхватила у него коробку.

— Не надо красоты, все равно открывать. Деньги снимите с моего счета. Их там лом, могу твой шалман целиком купить и не замечу, что бабла меньше стало.

Забыв поблагодарить Романа и не подумав сказать ни ему, ни мне «до свидания», красotka улетела.

ГЛАВА 3

— Простите за задержку, — извинился бармен, приблизившись к моему столику.

— Вы были вынуждены обслужить нервную клиентку, — сказала я. — Она из интерната?

— Да, Надежда живет в Доме здоровья, — пояснил Роман.

— Судя по тому, что вы звонили в колокол, группа подростков, ушедшая ранее, тоже оттуда, — предположила я. — Надо же, какие разные дети.

Роман потупился.

— Не бывает одинаковых людей.

— Но они совершенно не похожи на больных, — удивилась я. — Ребята выглядят абсолютно здоровыми и явно обладают хорошим аппетитом.

Бармен, склонив голову, понизил голос:

— Марина Ивановна предупредила, что вы пишете о нас книгу.

— Надеюсь, она получится интересной, — кивнула я.

— Хозяйка просила отвечать на все ваши вопросы, — продолжал бармен, — кроме тех, на которые отвечать нельзя.

Мне стоило больших усилий не рассмеяться. Отличное распоряжение! Вторая его часть почти исключает первую.

Роман покосился на дверь и сказал:

— Действительно, те, кто живут в интернате, прекрасно себя чувствуют. Я имею в виду физически, а вот с душой у них... проблемы.

— В приюте содержатся воспитанники с психическими заболеваниями? — удивилась я. — Шизофрения? Тяжелая депрессия?

— Что вы! — испугался бармен. — Ничего такого я не говорил! У одного из парней из той компании отец очень популярный эстрадный певец, который постоянно пребывает на гастролях. С женой он давно в разводе, она подарила сына бывшему мужу, а тому совершенно не до отпрыска. В двенадцать лет мальчик оказался здесь, сейчас ему восемнадцать. Домой он никогда не ездит, отец его у нас не появляется и много денег сыну не дает. Папаша девочки, которая забирала кексы, крупный политик, находится на вершине власти. С супругой он тоже в разводе, та после разрыва покатила вниз: наркотики, алкоголь и так далее. Ее убили, ограбили квартиру. Слава богу, дочь в тот момент в школе была. Отец Нади снова женился, но мачеха была не в восторге от падчерицы, и девочка оказалась в Доме здоровья. Папаша ощущает перед ней вину и осыпает деньгами. Собственно, все живущие в интернате ребята из очень богатых влиятельных семей. Есть среди воспитанников мулатка, она незаконная дочь русского олигарха и темнокожей модели из-за океана. Когда дочурке исполнилось десять, мамочка улетела назад в Америку, «забыв» малышку в России. Отец сдал де-

26 вочку сюда. У каждого здешнего ребенка своя история, вы правы, все они разные, но есть одно объединяющее их: БННД.

— Что? — не поняла я.

— Богатые, никому не нужные дети, — расшифровал аббревиатуру Роман.

— При чем тут тогда здоровье? — решила уточнить я. — Почему приют носит такое название?

Роман усмехнулся.

— Неудобно же на вопросы журналистов: «Где ваш сын? Отчего он с папой не живет?», честно отвечать: «Моя вторая супруга ненавидит парня, я запрятал его подальше, чтобы она успокоилась». Намного удобнее говорить: «Увы и ах, у сына проблемы с сердцем. Врачи рекомендовали отправить его на море, тамошний воздух творит чудеса, он живет в Доме здоровья временно».

— Ясно, — вздохнула я. — Сколько я вам должна за вкуснейшее угощенье?

— Для вас все бесплатно, — улыбнулся Роман. — Таково распоряжение хозяйки — вы живете по системе «все включено». Кстати, детские покупки записываются на счета, которые пополняют их родственники, деньги я снимаю оттуда. Несмотря на капиталы родителей, кое у кого из интернатских ребят средств даже на кофе нет, им копейки выделяют.

— Здесь неподалеку есть город? — продолжила я расспросы.

— Два поселка, — ответил бармен. — В Гуранове около двадцати тысяч живет, а тамбовское население чуть больше.

— Тамбов далеко отсюда, — удивилась я.

— Тамбовск, — уточнил Роман. — Раньше здесь совхоз с таким названием был, в годы перестройки он развалился, теперь это просто городок. Можете туда на экскурсию съездить. В Гуранове достопри-

мечательностью являются развалины крепости, музей и предсказательница бабушка Соня, а в Тамбовске рынок, где продают симпатичные сувениры: бусы из ракушек, шкатулки и снимки с обезьянкой. Везде много отдыхающих, чуть ли не каждый житель комнаты сдает. Есть кафе, но трапезничать там не советую: бывал кое-где на кухне — сплошная антисанитария. И пляж грязный. Лучше вам у нас купаться и обедать-ужинать. Сам в Тамбовске живу, уж поверьте, хорошо местные порядки знаю...

Я взглянула на часы и зевнула. Ну все, время позднее, хватит предаваться воспоминаниям о том, как прошел первый день. Я повернулась на бок и заснула.

* * *

— А-а-а-а-а! — закричал кто-то на улице. — А-а-а-а-а! Помогите!

Вскочив с кровати, я застыла на месте, в первую секунду не сообразив, где нахожусь. С улицы опять донеслось:

— А-а-а-а!

Очнувшись, я выбежала на балкон, перегнулась через перила и увидела женщину в форме горничной, которая стояла, закрыв лицо руками.

— Что случилось? — спросила я.

— Она там! — заголосила тетка. — Лежит!

Я вернулась в номер, надела халат, сунула ноги в тапочки, сбегала вниз, посмотрела на бейджик на блузке служащей и попыталась ее успокоить.

— Галина, перестаньте кричать.

— Не могу! — заорала она.

— Ладно, тогда вопите, — разрешила я. — Но имейте в виду, Марина Ивановна может вас сегодня

28 же уволить за нарушение тишины. Что случилось?

— Светлана Иосифовна... она... — уже тише произнесла Галина, всхлипнула и замолчала.

— Ну, продолжайте, — попросила я.

Горничная показала пальцем на скамейку у стены коттеджа.

— Там... за лавкой...

Я заглянула за спинку деревянной скамьи и увидела женщину, лежавшую на боку. Лицо ее было повернуто в мою сторону, и мне сразу стало понятно — незнакомка мертва.

Непроизвольно отпрянув в сторону, я постаралась прийти в себя.

— Галя, сядьте и подышите спокойно.

— Сесть? Сюда? Да никогда! — подпрыгнула горничная. — Там же Светлана Иосифовна лежит.

— Ладно, — кивнула я, — тогда я останусь здесь, а вы позовите Марину Ивановну.

— Нет, нет, я боюсь, хозяйка очень строгая, — зачастила Галина.

— Значит, придется мне идти к Лавровой, — согласилась я. — А вы стойте тут, постояльцев к скамейке не подпускайте. Хотя сейчас пять утра, навряд ли кто-нибудь гуляет в столь ранний час.

— Нет, нет, мне ужасно страшно, — зарыдала Галина. — Светлана Иосифовна умерла-а-а! Ой, мне плохо... Тошнит... Голова заболела, сейчас упаду...

— Только, пожалуйста, падайте вон в те кусты, чтобы на дороге не лежать, — разозлилась я, вынимая телефон. — Алло! Эвелина? Извини, не знаю, сколько сейчас времени в Москве, здесь начало шестого утра. Возникла проблема, но у меня нет мобильного номера Лавровой...

Минут через десять после того, как я ввела в курс дела Самойлову, около коттеджа появились двое

парней с носилками, за ними шла растрепанная Марина Ивановна. Она взглянула на съжившуюся Галину и сделала движение рукой. Горничная шмыгнула за угол коттеджа. Молодые люди молча подняли тело Светланы Иосифовны и унесли. Через секунду возникла тетушка с граблями и секатором. Она начала обрезать поломанные ветки куста, в котором недавно лежал труп.

— Что вы делаете? — не выдержала я.

Садовница замерла.

— Работай, работай, — велела ей хозяйка имения, потом посмотрела на меня. — Виола Ленинидовна, огромное спасибо, что сообщили мне о неприятности. Стоит ли просить вас никому о происшествии не рассказывать? В гостинице в основном женщины, не хочется их пугать.

— Я понимаю, что ни один отель в мире не станет ставить постояльцев в известность о гибели сотрудника, — сказала я, глядя на тетку, которая быстро сгребала мусор и запихивала его в мешок, — но, думаю, полиция будет недовольна, ведь ваша служащая нарушает картину произошедшего.

— Полиция? — удивленно повторила Лаврова. — А кто ее вызвал? Вы?

— Нет, — ответила я, — полагаю, это должны сделать вы, владелица отеля.

— Только дураков в форме здесь не хватало! — всплеснула руками хозяйка. — Зачем они тут?

— Ваша сотрудница скончалась. Возможно, ее убили, — предположила я.

— Крови нет, — неожиданно вмешалась садовница, — ни капельки.

— Если человека отравили, то ее и не бывает, — возразила я.

Марина Ивановна нервно рассмеялась.

30 — Виола, дорогая, вы все не так поняли.

Светлана жива, она просто... э... не очень приятно об этом говорить, но раз уж вы стали свидетельницей происшествия... э... она находится под воздействием таблеток, поэтому вид у нее как у трупа. Да-да, именно так.

— Учительница наркоманка? — поразилась я.

— Конечно, нет! — замахала руками Лаврова. — У нее часто давление поднимается, голова болит. Светлана одну пилюлю съест, эффекта нет, тогда она пьет вторую, третью... пятую... десятую, и бац — обморок. Сто раз я ей говорила, что нельзя лекарство глотать, как конфеты.

— Ваша подчиненная выглядела мертвой, — не успокаивалась я.

— Наумова не моя сотрудница, — уточнила Марина, — она заведует учебной частью в интернате. Ей вообще на нашей территории делать нечего.

Я показала на скамейку.

— Вечером здесь сидели ребята из Дома здоровья, Юра и Лена. Последняя поссорилась с юношей и убежала, на ее место села Светлана Иосифовна. Они с Юрой немного поговорили, он угостил Наумову чипсами, которые купил для девочки, и ушел.

— Вот она какая! — разозлилась вдруг Лаврова. — Тыщу раз говорила: сотрудникам интерната запрещено ходить через наш парк на маршрутку. А они что делают? Не желают кругом идти, ломаются напрямую. Пойду к Анне Семеновне, директрисе, разнос ей устрою. Пригрожу: «Если не можете справиться с педсоставом, собирайте манатки, найму другую заведующую. Охотников на такой оклад много найдется». Сделали проходной двор из парка элитной гостиницы! Не волнуйтесь за Светлану Иосифовну, ее сейчас осмотрит врач. Жива она, просто в обмороке, обьяелась болеутоляющего. Вы уже начали писать ро-

ман? Сюжет выстроили? Расскажите потом? 31

Вот, думаю, может, мне по мотивам вашего произведения фильм снять? Или даже сериал, а? Как вам эта идея?

Продолжая сыпать вопросами, госпожа Лаврова оттеснила меня ко входу в коттедж и проводила в мой номер.

ГЛАВА 4

Я вошла в свои временные владения и уставилась на письменный стол, на котором лежала стопка чистой бумаги. Обычно вид незаполненных листов вызывает у меня приступ бурного недовольства собой: опять за весь день ни строчки не написала!

Сколько раз я читала интервью разных моих коллег, которые на вопрос журналистов: «Когда же мы увидим вашу новинку? Уж пять лет прошло, как вышла ваша последняя книга», начинали объяснять: «Времени нет — семья, дети, сам болел долго, ездил по регионам, встречался с читателями». Так вот, я точно говорю: это все отговорки! Дело в обычной лени и в отсутствии материальных проблем. Когда у писателя закончатся деньги, он живо сядет за ноутбук и в короткий срок напишет свой новый шедевр.

Хорошо, если у сочинителя есть жена, которая каждое утро кричит:

— У меня нету шубы! Надо платить за школу, за детский сад, купить путевку на море...

Куда деваться писателю? Понукаемый супругой он вынужден трудиться.

И прекрасно, когда представитель сочиняющей братии, например, картежник, как Достоевский. Сколько бы гениальных книг навсегда осталось в чернильнице у Федора Михайловича, не проигрывай он за столом, покрытым сукном, свои гонорары!

32 Я опять обозрела кипу девственно чистых листов. У меня нет семьи, как и вредных привычек. Мне-то как принудить себя к работе?

Давайте будем откровенны: я скорее журналист, чем писатель. Да, у меня хороший слог, а вот фантазии нет совсем. Выдумать сюжет госпожа Арина Виолова неспособна, она может лишь лихо описывать реально произошедшие события. Все мои книги — это рассказ о реальных ситуациях, в которых побывала я сама, Виола Тараканова. В гостиницу я приехала, не имея в голове никаких идей о любовном романе, ведь обычно я работаю в жанре детектива. И сейчас жизнь мне подбрасывает очередной сюжет — под балконом автора криминальных романов умерла женщина.

Стоп, Вилка, остановила я себя, Светлана казалась мертвой, но ты же не наклонялась над ней, не шупала пульс. Тебя пригласили для написания любовного романа. Любовного! Марина Ивановна ждет произведения о страсти на берегу моря. Наверяд ли Лавровой, желающей привлечь в свое заведение обеспеченных клиентов, понравится роман, который начнется фразой: «Утром я вышла на балкон и увидела в кустах обездвиженное тело, над которым склонился полицейский».

Горестно вздыхая, я села к столу. Ну и как начать любовный роман? Какой должна быть первая фраза? «Он подошел ко мне, снимая рубашку». Нет, это похоже на визит к терапевту. «Он подошел ко мне, снимая брюки». Опять не то, тоже смахивает на посещение врача, только проктолога. «От страсти раздирая на груди рубашку, он подошел ко мне». Уже лучше, но не понятно, кто такая я. Может, мужик разорвал в клочья сорочку, испытывая страсть к бараньей ноге, которую увидел на столе.

И вообще, фраза «От страсти раздирая на груди рубашку» какая-то не гламурная. Может, лучше так:

«От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже на распродаже...» Я замерла. Вилка, очнись! При чем тут распродажа? У тебя любовный роман! «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже на Эйфелевой башне...»

Интересно, на этом сооружении есть магазины? Так, на эту тему размышлять не стоит, большинство моих читательниц никогда не бывало на родине круассанов. Правда, редактор Олеся Константиновна туда ездит... Ну и что? Бутики открываются-закрываются. Может, когда мужик покупал сорочку, лавка работала, а потом разорилась. Ее вообще только на один день открыли, чтобы герой моей книги купил шелковое безумие.

Начнем! «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже на Эйфелевой башне, распространяя аромат роскошных французских духов, он подошел ко мне, длинноногой стройной блондинке восемнадцати лет, безо всяких признаков целлюлита, изнемогавшей от страсти на шкуре белого медведя, расстеленной у горящего камина, возле которого стояли бутылка шампанского, ваза с букетом из ста роз и лежала коробка шоколадных конфет».

Я перечитала написанное. Гламура теперь через край, но необходимо править текст. Из-за слов «шкура белого медведя» меня обвинят защитники животных: «Виолова призывает убивать бедных мишек!» Вроде эти животные занесены в Красную книгу? Бутылка шампанского не понравится обществу борьбы за трезвый образ жизни. Шоколадные конфеты тоже не к месту, на меня подадут в суд те, кому по состоянию здоровья нельзя употреблять сладкое, обвинят в рекламе продукта, который для них яд. И французский парфюм ты, дорогая, зря

34 упомянула. Это некорректно, надо поддерживать отечественного производителя. Вилка, включи мозг!

Я зевнула. Ладно, попробуем еще раз. «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже...» Эй, эй, помни про отечественного производителя. «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в бутике...» Нет! Мои читатели простые люди, им бы от аванса до полочки дотянуть, какие еще бутики.

Минут через пять я снова перечитала начало повести. «От страсти раздирая на груди рубашку, купленную в магазине «Все за пятьдесят рублей», и благоухая одеколоном «Петя и три медведя», он подошел ко мне, длинноногой блондинке семнадцати лет без признаков целлюлита, лежащей на пледе, который связала мне в подарок любимая бабушка, расстеленном на кухне, где стояли бутылка лимонада «Мальвина» и тарелка с нарезкой докторской колбасы, произведенной на ферме в деревне Уборы». Что ж, неплохо, все правильно. Только название села надо убрать, а то меня обвинят в продакт-плейсменте, газеты напишут, что фермер заплатил Виоловой десять миллионов долларов за рекламу его предприятия.

За спиной раздался выстрел. Я подпрыгнула на стуле и живо юркнула под стол.

— Простите, пожалуйста, — заныл женский голос, — не хотела вас напугать.

Я осторожно высунулась из укрытия и увидела горничную Галину, державшую в руках стопку полотенец.

— Извините меня, — бубнила она, — я колотила в дверь, колотила, никто не открыл. Подумала, что вы купаться ушли, хотела вам свеженькие повесить. Ой, как неудобно получилось! Вы аж под стол залезли от страха.

— Не слышала стука, — прокряхтела я, вы-
бираясь из-под стола. — И, кстати, я ничего
не боюсь, просто уронила ручку и полезла ее достать.
А кто стрелял?

— К нам с оружием нельзя, — сообщила Гали-
на, — вам показалось. Может, это в телевизоре?

— Он выключен, — заметила я. — Был такой рез-
кий короткий звук — бах!

— Не слышала, — удивилась тетка. — Возможно,
с улицы донеслось. Все-все, я уйду, прошу у вас
прощения за свое вторжение. Приду позднее.

— Положите полотенца куда надо, — сказала я.

— Правда? Можно? — обрадовалась Галина. —
Спасибо вам невероятнейшее!

Горничная поспешила в санузел, а я опять села
к столу.

Но не успела ничего написать, потому что вновь
услышала резкий звук. На сей раз это был звон.
Я встала и пошла в ванную, почувствовала резкий
запах моих любимых духов, затем услышала тихий
плач и лепет:

— Господи, что теперь будет? Боженька, спаси!

— Галина, вы в порядке? — спросила я, загляды-
вая в просторное помещение с громадным джаку-
зи. — О! Мои духи!

Горничная упала на колени и ткнулась головой
в пол.

— Не губите меня, случайно разбила флакон, не
заметила его на умывальнике.

Я бросилась поднимать ее.

— Встаньте немедленно!

Но Галина вцепилась руками в ножку консоли, на
которой лежали махровые полотенца.

— Нет, буду так стоять, пока прощения не вымо-
лю. Христа ради, не жалуйтесь хозяйке! У меня доч-
ка больная, мужа нет, родителей тоже, одна на своих

36 плечах девочку-инвалида тяну. В Тамбовске работу не найти, мне несказанно повезло, что я к Марине Ивановне устроилась. Уволит она меня — подохнем обе с голоду, лекарства для Вари дорогие, она без них не жилища.

Я присела около горничной на корточках.

— Что случилось? Почему вы в истерику впали?

Галина оторвала голову от пола, выпрямилась и шмыгнула носом.

— Неужто не понимаете?

— Нет, — честно ответила я.

— Духи ваши грохнула, — простонала прислуга.

— Соберите аккуратно осколки флакона, — попросила я. — Не хочу пораниться, когда встану босиком на плитку. И впредь будьте внимательней. Вот и все.

— Не сообщите Лавровой о моем проступке? — прошептала Галина.

— Зачем? — удивилась я. — Пузырек разбился, от кляузы он целым не станет. В некотором роде я сама виновата — не следовало оставлять флакон на ручномойнике, надо было убрать в шкафчик.

— Парфюм дорогой, — прошептала горничная.

— Наверное, — пожалала я плечами. — Точную цену не знаю, мне его Степан презентовал.

Галина схватилась за голову.

— Ой, ой, ой! Я раскокала подарок вашего мужа, нет мне прощения!

— Успокойтесь, — попросила я, — Дмитриев просто мой приятель. Происшествие пустяковое, давайте его забудем. Спасибо за полотенца, сделайте одолжение, займитесь своими делами. Мне тоже пора за работу.

Горничная принялась шмыгать носом.

— Я переживаю, мучаюсь из-за своей неловкости, голова прям заболела.

Я выпрямилась.

37

— Уважаемая Галина, вы разбили мои духи, я не злюсь, не собираюсь жаловаться, но утешать вас у меня времени нет.

Горничная оперлась о раковину, начала подниматься, но ее пальцы соскользнули с белого фаянса. Чтобы не потерять равновесие, она замахала руками, задела мою открытую косметичку, стоящую на полке. Та свалилась на пол, из нее вылетели стеклянный дозатор с тональным кремом, палетка теней, жидкие румяна в пузырьке, пудреница, губная помада, тушь...

Галина закрыла лицо ладонями и зарыдала.

Я устала на пол. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями».

— Мне конец! — зарыдала неловкая баба. — Лучше сразу из окна выброситься, тогда Варю в интернат возьмут, хоть покормят там раз в неделю. А если мать жива, ребенку нечего на помощь от государства рассчитывать, загнется от голода с безработной родительницей.

Я развернулась и пошла к выходу.

— Я прыгну из окна! — выкрикнула Галя.

— Перед тем, как лишиться себя жизни, уберите в ванной, — спокойно сказала я. — Аккуратно соберите осколки и вымойте пол, по которому размазана моя косметика...

— Вы на меня сердитесь, — заныла горничная. — Боже! Что сделать, чтобы заслужить ваше прощение? Что? Я повешусь!

— Вроде вы собирались сигать с балкона, — не выдержала я. — Уж определитесь со способом суицида.

— Вам все равно, что будет с моей больной дочкой, когда меня понесут на кладбище? — неожиданно спросила Галина.

Я посмотрела на нее.

38 — Я отойду на некоторое время, а когда вернусь, надеюсь увидеть ванную убранной.

— Всем плевать на несчастную Варю, — захныкала горничная. — А ведь ей можно помочь, да у нас, нищих, денег нет.

Я молча повернулась и ушла.

ГЛАВА 5

Во дворе я села на скамейку и тут же увидела женщину в белом халате, которая с озабоченным лицом направлялась по узкой тропинке к корпусу.

— Доброе утро, — поздоровалась она. — Как спали, Виола Ленинидовна?

— Спасибо, хорошо, — ответила я.

— Вот только пробуждение у вас было совсем не радостным, — сказала доктор.

Я посмотрела на бейджик на груди незнакомки.

— Что вы имеете в виду, Раиса Петровна?

Врач села около меня на скамеечку.

— Марина Ивановна попросила померить вам давление. Сказала: «Волнуюсь за нашу любимую писательницу, ведь это она нашла Светлану Иосифовну. Наверное, перенервничала!» Я к вам с аппаратом шла.

— У меня ничего не болит, — возразила я, — гипертонией не страдаю, наоборот, давление обычно пониженное.

— Это видно сразу, — мягко сказала Раиса, — у вас астенический тип сложения. Но, увы, самые тяжелые гипертоники получают со временем из гипотоников. Не сочтите за труд подняться в номер. Вот увижу на тонометре нормальные цифры и уйду. Честное слово, не стану более к вам приставать.

— В номере сейчас горничная. Вернее, она в ванной, — пояснила я. 39

— Вы ушли в парк, потому что прислуга притащилась с пылесосом? Невиданное дело! — возмутилась Раиса Петровна. — Номер приводится в порядок только в отсутствие гостя. Безобразие! А-а-а, понимаю. Что разбила Галина?

— Неловкость горничной для вас не секрет? — удивилась я.

Доктор усмехнулась.

— Все в курсе, включая Марину Ивановну. Кое-кто из постоянных клиентов перед приездом просит: «Замените Галю на Феню». Последняя подслеповата, пыли по углам не видит, зато молчит и уж точно ничего не разобьет.

— Сначала Галина лишила жизни мои духи, — призналась я.

— О, это ее любимое занятие, — засмеялась врач, — парфюм на почетном первом месте среди убитого горничной имущества.

— Потом я лишилась косметики. Галина начала плакать, рассказывать про дочь-инвалида, умолять меня молчать, иначе хозяйка ее выгонит, а...

— А несчастная Варечка очутится в приюте, — закончила фразу Раиса Петровна.

— Нет, умрет с голода, — уточнила я. — И лекарства для нее не на что купить будет. О приюте Галина заговорила, собираясь прыгать с балкона или повеситься. Она пока не выбрала способ ухода из жизни.

Врач рассмеялась.

— Нет слов!

— Почему Марина Ивановна закрывает глаза на неловкость горничной? — удивилась я. — Думала, бедолага впервые что-то расколошматила, так она перепугалась. Я пожалела Галю, пообещала ей никому не сообщать о казусе. Но когда оказалась унич-

40 тоженной косметика, мне не понравилось декларативное заявление о самоубийстве.

Раиса Петровна закинула ногу на ногу.

— У нашей хозяйки в молодости случилась трагедия. У нее была дочь Оксана, тяжелый инвалид — ДЦП плюс проблемы с сердцем. Ребенка лечили по всему миру, но...

Доктор замолчала.

— Понятно, — пробормотала я.

— Некоторые женщины, пережив потерю ребенка, озлобляются, — вздохнула собеседница, — а Марина, наоборот, ощущает чужое горе как свое и, будучи женой человека с очень большими деньгами, не стала с презрением относиться к простым людям. К нам прикатывают только богатые и знаменитые, остальным отдых здесь не по карману. Вижу, как некоторые клиенты разговаривают с обслугой. Да и мне дают понять: раз у врача нет миллиарда в банке, пусть курит бамбук в сторонке. Если ты работаешь, чтобы содержать семью, то ты пятый сорт, терпи унижения. Не хочу сказать, что все такие, но встречаются хамы. А Марина относится к сотрудникам по-матерински.

— Да? А утром она так посмотрела на садовницу, которая без спросу что-то сказала, что та мигом рот захлопнула, — пробормотала я.

— Лаврова добрая, но не добренькая, — уточнила врач, — почувствуйте разницу. Вот вам один пример. Марина не любит пьяниц, врунов и воров, а Татьяна, которую наняли наводить порядок на территории, оказалась запойной. Три дня не являлась на работу, солгала мне, что болела гриппом, но я-то сразу увидела симптомы похмелья. Лаврова сделала ей внушение, и было за что. Если сия мадам вновь потянется к бутылке, она потеряет место. С Галей другая история.

— Ее дочь больна ДЦП, — кивнула я, — 41
Марина Ивановна ассоциирует горничную
с собой.

— Вы правы, — согласилась Раиса Петровна. —
И Галина не Татьяна. Горничная всегда вовремя
приходит на службу, не прикасается к выпивке, не
курит, не заводит любовников, она старательно ле-
чит Варю, возит девочку в Москву в специальную
клинику. Накопит денег и улетает на десять дней.
Галя работает у нас второй год, я ее только в одном
платье летом, а зимой в джинсах-пуловере вижу.
Зато у Вари прекрасная импортная коляска, вещи
роскошные. Девочке пятнадцать, многие клиенты
у нас постоянно отдыхают, они ей шмотки от своих
детей присылают. Варя у нас на особом положении.
Местным ребятам запрещено даже на пушечный вы-
стрел приближаться к отелю и интернату, а Варечке
везде зеленый свет. Живут они с матерью на терри-
тории гостиницы. Все знают, как Галина средства на
лечение добывает — она актриса замечательная. Зай-
дет в номер к человеку, который первый раз прибыл,
разобьет у него что-то и плачет, просит не рассказы-
вать хозяйке...

— Иначе без места останется, — подхватила я.

Моя собеседница усмехнулась.

— И выкладывает историю про Варю, дескать,
девочка инвалид, денег в семье нет. Клиенты ре-
агируют по-разному. Одни не обращают внима-
ния на слова про деньги, но не жалуются хозяйке
на женщину с убойной силой в руках. Другие ис-
пытывают к Галине искреннюю жалость, дают ей
хорошие суммы, вещи для Вари, книги, лекарства.
Третьи злятся, просят Марину, чтобы им сменили
горничную и более никогда не разрешали Звонко-
вой заглядывать в их номер. Галя понятливая, пер-
вых и третьих более не беспокоит, а вот со вторы-

42 ми начинает дружить. Пишет им открытки на дни рождения, Новый год и разные религиозные праздники, посылает поделки своей девочки — та мастерит бусы из ракушек, плюшевые игрушки шьет. Я знаю, кое-кто из немецких гостей оплачивает лечение Вари за границей, девочка летала в Израиль, в Германию. Галина честная, можете в номере свои драгоценности расшвырять, никогда не возьмет. И одежду не тронет. Да что там шмотки! На кухне много еды к вечеру остается, сотрудники уносят домой не востребованные булочки, йогурты, сыр, масло. Все берут спокойно, а Звонкова всегда спросит: «Дорогие мои, здесь простокваша. Если никто не хочет, я ее возьму?»

— Так хрупкие вещицы постояльцев она нарочно уничтожает? — наконец поняла я.

Раиса Петровна пожала плечами.

— Ну, не знаю. Не хочу обвинять человека, не имея на то прямых доказательств, но у меня этой зимой зародилось подозрение, что все бьющееся гибнет неспроста. В январе у нас десять дней провела воспитательница детского сада Нина, очень симпатичная девушка. Она приехала вместе с пятилетней сестрой, которую после гибели родителей воспитывает одна. Путевку небогатой семье подарила певица Ксюша, ее дочка подопечная у этой Нины в детском саду. Галина убирала номер девушки, и у той все стеклянные флаконы остались целы. Понимаете?

— Ну да, — кивнула я, — Нина ведь навряд ли смогла бы помочь деньгами на Варино лечение.

— Думаю, разбитый флакон является для Галины поводом рассказать о болезни дочери, — улыбнулась Раиса Петровна. — Ох, простите, кто-то меня ищет...

Она вынула из сумки зазвонивший телефон.

— Да... О! Ужасно! Странно, однако. Она же знала о своей аллергии. Конечно, вы правы.